

О ЧЕМ ГОВОРИЛ ЗРИТЕЛЬ

Спектакль «Дмитрий Стоянов» в филиале МХАТ окончился. Ожидаем очереди, чтобы одеться. Впереди меня — человек средних лет, внешне как будто ничем не примечательный. Очередь была довольно большая, и мы разговорились. Естественно, речь зашла о театре и новой постановке.

— Очень люблю МХАТ, — сказал собеседник. — С ним связаны мои первые театральные впечатления, театр многому научил, он помогал мне понимать жизнь, человека. Я настоящий «большаки» МХАТ, — улыбувшись добавил он, — не изменял ему, не поворачивался спиной, когда театр постигали неудачи. Сегодня смотрел спектакль второй раз и не потому, что мне он очень понравился. Захотелось проверить свои первые впечатления, разобраться в них.

— Вы были на премьере?

— Да. Мы пошли целой компанией, а после спектакля здорово поспорили, и меня потом все подмывало побывать еще.

— Интересно, о чем зашел спор?

— Да как вам сказать, говорили о жизни, о пьесе, о театре. Стали вспоминать свою юность, многие из нас тоже начинали трудовую жизнь на стройках, воевали, любили...

— Ну и как же нашли пьесу, она правдива, интересна?

— Пьеса неплохая, но, честно говоря, жизнь богаче, ярче, драматичней, острее. Вот я, например, видел «Дмитрия Стоянова» в Иркутском театре и понял, что МХАТ с Левантовской во многом переделал пьесу.

Она стала светлей, оптимистичней, радостней. И это хорошо. Но вместе с тем из нее ушел какой-то внутренний драматизм, она стала более иллюстративной.

И дело, видимо, не только в пьесе. Мы впервые увидели работу режиссера В. Богомолова; говорят, что он режиссер молодой. Казалось, он должен бы принести в спектакль что-то смелое, новое, свежее, конечно, не нарушая славных традиций театра.

И он показал правдивый кусок жизни, но этого мало. Чему учит спектакль? Не надо проходить мимо большого чувства? Или большое, глубокое чувство всегда найдет отклик? Но ведь это истины довольно известные. Правда, напоминать молодежи об этом нужно, но, очевидно, следовало бы в спектакле ярче показать духовный рост наших современников, их душевное богатство, закалку характеров. Некоторым актерам это удалось. Я получила подлинное наслаждение от игры Ростовцевой. Она показала большую жизнь Ольги Дробот. Сперва мы познакомились с неуключей, резкой, смешной, грубоватой Лелькой, простой девчонкой со стройки. А какой стала потом! Как выросла духовно, как расцвела, стала человеком большой души, очаровательной женщиной. И сила какая в ней, и женственность! Или Яша Дубровский у Герасимова — такой милый парень, человечный, человечисше, чистый душой и — романтик. Он вместе с Ростовцевой в последнем акте играет мастерски. Тут все — и сомнения, и надежды, и горе, и радость нового чувства. Большая правда жизни.

— А как Стоянов?

— Золотухин, видно, способный актер и хорош собой. Но что за человек Стоянов, какой у него характер? В спектакле это не очень ясно.

Центральный образ как бы отодвинулся на второй план. Очевидно, Стоянов — парень резкий, сложный, увлекающийся, порывистый, а потому и совершает ошибки, потому он в свое время и прошел мимо большого чувства Лизы. У Золотухина эти черты характера намечены, но не развиты. Значительно большего ждешь и от Лизы — Завгородной. Она играет просто, достоверно, но не чувствуешь в ней незаурядности, глубины натуры героини.

А Губанова я просто не узнал. Как он сильно, интересно сыграл Мортимера в «Марии Стюарт» или Тимошу в «Золотой карете»? В этом же спектакле его Уральщины просто уравновешенный, важный и скучный человек.

Хорошо, что МХАТ стал чаще обращаться к современности — в этом его призвание. Радостно, что чаще и чаще на его сцене выступает молодежь — это будущее театра. Уже немало мы посмотрели молодежных спектаклей и молодых артистов в ответственных ролях. У них есть удачи, многих из них мы полюбили и знаем. Но хочется видеть ансамблевые спектакли, где все играют сильно, ярко, взволнованно, чтобы уходить со спектаклей потрясенным, познав что-то новое, большое, неизданное...

Вот видите, сколько у меня возникло замечаний. Их много потому, что хочу лучшего. Ведь МХАТ — это вышка, на которую равнялись и равняются другие театры, что ко многому обязывает.

В это время подошла очередь. Мой собеседник надел пальто и закурил папиросу. Я подумал, не попросить ли его написать о своих впечатлениях. Оглянулся, но он уже растворился в толпе...

Ю. МАЛАШЕВ.

Собеседник
Ирина
8. III. 1928.